УДК: 339.564:332.1 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-2-15-34

САНКЦИОННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кравченко С.А., Охотский Е.В.[1]

Аннотация. *Цель статьи* – доказать, что природа общественных метаморфоз, имеющих историко-культурную обусловленность, их объективные и рукотворные основания, постоянно усложняется, становятся все более непредсказуемыми, а их социальные последствия – все более тяжелыми. Наиболее значимые виды из исследуемых в статье метаморфоз – метаморфозы господства и сотрудничества, политических рефлексий и инсценирования реальности. В статье исследуются факторы и условия возникновения санкционных метаморфоз как особого явления общественного бытия, приводящего к разрывам и травмам международного социального порядка. Методология исследования – анализ противоречивости истоков, причин и особенностей и последствий широкого распространения санкционных метаморфоз. Методы – анализ и синтез, индукция и дедукция, ретроспекция и сравнение. В статье представлены несколько типов такого рода метаморфоз. Авторами раскрываются основные содержательные составляющие радикального преобразования традиционного господства и сотрудничества в кентавр-господство, основанного на «текучем насилии» и «текучем страхе» за свое будущее. Показывается, что инсценирование реальности, перформансы со смыслами Добра и Зла провоцируют метаморфозы политических рефлексий, ведущих к шокирующим политическим катаклизмам, деформациям права и моральных традиций, нарушениям сложившихся практик международного сотрудничества. Обосновывается возможность метаморфоз как «позитивных побочных эффектов» санкций. Главным фактором зарождения метаморфоз позитивного толка авторы видят в гуманистическом повороте, смысл которого заключается в переходе к новому тренду восприятия общественного бытия. Авторы приходят к выводу, что восприятие метаморфоз на основе современного научного знания и международного права, должно быть прежде всего ориентировано на преодоление морально ущербных меркантильных принципов восприятия окружающего мира, утверждения гуманизма в инновационной, в том числе в международной деятельности.

Ключевые слова: глобальная проблема, гуманистический поворот, инсценирование реальности, метаформозы, насилие, «неправовая легитимность», перформанс, «позитивные побочные эффекты плохого», санкции.

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, адрес: 119454, Россия. г. Москва, пр-т Вернадского, д.76, e-mail: sociol7@yandex.ru.

Охотский Евгений Васильевич — доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления МГИМО МИД России, адрес: 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д.76, e-mail: e.ohotskii@mail.ru.

SANCTIONS METAMORPHOSIS AS A GLOBAL POLITICAL PROBLEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

KRAVCHENKO S.A. — Doctor of Phylosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Moscow State University of International Relations, MFA of Russia, Chief Researcher, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: sociol7@yndex.ru.

OKHOTSKY E.V. — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Public Administration, Moscow State University of International Relations, MFA of Russia (Russian Federation, Moscow), e-mail: e.ohotskii@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to prove that the nature of social metamorphoses that have historical and cultural conditionality, their objective and man-made foundations, are constantly getting more complicated, more unpredictable, and their social consequences are getting more severe. The most significant types of the metamorphoses examined in the article are metamorphoses of domination and cooperation, political reflections and dramatization of reality. The article explores the factors and conditions for the emergence of sanction metamorphoses as a special phenomenon of social life, leading to ruptures and injuries of the international social order. The research methodology is the analysis of the inconsistency of the sources, causes and characteristics and consequences of the widespread use of sanction metamorphoses. Methods - analysis and synthesis, induction and deduction, retrospection and comparison. The article presents several types of this kind of metamorphosis. The authors reveal the main substantive components of the radical transformation of traditional domination and cooperation into centaur domination, based on "fluid violence" and "fluid fear" for their future. It is shown that staging reality, performances with the meanings of Good and Evil provoke metamorphoses of political reflections, leading to shocking political cataclysms, deformations of law and moral traditions, and violations of established international cooperation practices. The possibility of metamorphoses as “positive side effects” of sanctions is substantiated. The authors see the main factor in the emergence of positive metamorphoses in a humanistic turn, the meaning of which lies in the transition to a new trend in the perception of social life. The authors conclude that the perception of metamorphoses on the basis of modern scientific knowledge and international law should be primarily focused on overcoming the morally flawed mercantile principles of the perception of the world, and the affirmation of humanism in innovation, including in international activities.

Keywords*:* global problem, humane turn, stage-play of reality, metaformoses, violence, “illegal legitimacy”, performance, “positive side effects of the bad”, sanctions.

Факторы и условия возникновения санкционных метаморфоз

В обыденной жизни под метаморфозой понимается преобразование, видоизменение, трансформационный переход из одного состояния в другое, из одной формы в другую с

приобретением нового внешнего вида и функций[1]. Метаморфозы наблюдаются как в неживой, так и живой природе. Не составляет исключения социально-политическая жизнь с ее бесконечным процессом как незначительных подвижек, так и существенных превращений.

Истоки и причины общественных метаморфоз связаны главным образом с внутренними сущностными факторами и объективными реалиями внешнего характера. Многое определяется законами историко-цивилизационного и формационного развития — при капитализме метаформозы становятся нормой функционирования политических, рыночных и социально-классовых отношений. Однажды возникшая метаморфоза, писал К.Маркс, ведет к производству метаморфозы второго порядка и так далее. Первый метаморфоз товара в режиме превращения его из товарной формы в денежную в то же время становится вторым метаморфозом какого-либо другого товара с обратным его превращением из денежной формы в товар с конкретной рыночной и потребительской стоимостью[2]. И далее в том же порядке и по той же логике. Капиталистические отношения создают объективные условия для перманентного производства метаморфоз товаров в деньги и, наоборот, превращения денег в товары.

Причем, в отличие от природных метаморфоз, общественные метаморфозы, однажды возникнув, продолжают свое шествие и функционирование, воспроизводя как новые сущности, новые противоречия и неопределенности, так и соответственно новые продукты с новыми рисками, социальными неопределенностями и проблемами. Вместе с тем нельзя не понимать, что при определенных условиях метаморфозы могут сознательно, планомерно и целенаправленно (политически, экономически, социально и культурно) конструироваться. Конкретных подтверждений тому немало.

Во многих культурах мира, например, сложилась практика политических шоу и карнавалов, знаменующих собой метаморфозы «как бы в реальной» социально-культурной жизни, «как бы временной приостановки» нормальной жизни в контексте смены больших временных интервалов малыми временными интервалами[3]. В итоге жизнь представляется иммитацией без каких-либо серьезных смыслов и стратегий. Убедительное доказательство справедливости сказанного — мировой чемпионат по футболу с его массовыми шествиями, многотысячными стадионами, всеобщим ликованием победившей стороны и массовым унынием проигравших. Все остальное уходит на задний план, кажется второстепенным, не заслуживающим особого внимания.

Что-то подобное, причем нередко, происходит и в политике. Примером карнавализации может служить то, что происходит в современной украинской действительности: боксер без малейшего опыта управления становится мэром столичного мегаполиса; популярной лидер рок-группы, получивший специальное образование по программе организации оранжевых революций, вдохновляет добровольческие батальоны на «подвиг» на фронтах гражданской войны; обращения к

[1] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 27-е изд., испр. — М.: АСТ: Мир и образование. 2018. — С. 531.

[2] Маркс К. Капитал. Том I // Соч., 2 изд. — М.: Политиздат, — 1960. — С. 120.

[3] Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт. 2000. – 640 с.

руководителям НАТО подключиться к конфликту с Россией в Азовском море; провокационное объявление чрезвычайного положения; банки-зомби, которые цинично отказываются от своих обязательств и отказывающиеся возвращать долги; эстрадный артист юмористического жанра, опираясь на финансовую и информационную поддержку олигархического капитала, побеждает на президентских выборах, а затем на таких же основаниях формирует парламентскую фракцию конституционного большинства; в избирательном бюллетене метровой длины за пост главы государства заносится несколько десятков кандидатов; демонстрация процедуры забора медицинских анализов первых лиц государства на глазах многотысячного стадиона. Стиль управленческой деятельности снизился до уровня театрализованного спектакля и «гнездиловщины» — по примеру сатирического героя из известного телесериала. Естественно, что логика такого управления не поддается нормальному восприятию, не случайно после краткосрочной эйфории сегодня 75% украинцев, согласно февральским социологическим опросам 2020 года, считают, что страна движется в неправильном направлении.

Серьезный анализ политической и социально-экономической ситуации в стране отсутствует, острые проблемы остаются вне должного внимания. Господствуют амбиции, пустые обещания, откровенно лживые суждения политического бомонда, двойные стандарты. А поскольку «карнавализация» в условиях системности коррупции до поры до времени дает хороший эффект и выгодна тем, кто ее организует, финансирует и обеспечивает, то рассчитывать на ее прекращение в обозримом будущем не приходится. Никто из влиятельных и обладающих властью в стабилизации не заинтересован, а поэтому процесс деградации никто не останавливае[1]. Наоборот, еще больше хаотизирует политическую и социально-экономическую жизнь, отравляет многое из того, что окружает страну по всему периметру ее границ.

В условиях и под влиянием законов функционирования современного сложного социума природа метаморфоз значительно изменилась[2] — это неоспоримый факт. Она становится более динамичной, противоречивой, закамуфлированной, трудно уловимой. Если раньше метаморфозы проявлялись точечно и в относительно узких пространственно-временных границах, то сейчас они стали многомерными и чуть ли не обыденным явлением, вышли за пределы национальных границ, обрели глобальный характер. Зарождаются нередко спонтанно, функционируют виртуально в соответствии с императивами «Индустрии 4.0» (см. примечание 1) [3] , причем практически во

[1] Семенов М. Вошли в роль // Украина. Информационно-аналитический мониторинг. — 2019. – № 1-2. – С. 5.

[2] Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей. // Социологические исследования. – 2013. – № 5. – С. 3 –12.

[3] *Примечание 1.* Содержательно понятие «Индустрия 4.0» охватывает достаточно широкий спектр современный инноваций. В том числе умное производство, Интернет-технологии, Искусственный интеллект, разнообразные нано-устройства, 3D-печать. С ее развитием люди начинают осознавать необходимость постановки самостоятельной управленческой задачи по использованию потенциала «Индустрии 4.0» в целях получения положительных социальных изменений. Ведь прежние технократические установки быстро устаревают и усугубляют проблемы общества. Правда, по ряду позиций «Индустрия 4.0» – не решение проблем, а ещё один вызов

«вневременном времени»[1]. Тем не менее значительная их часть носит не спонтанный и случайный, а вполне рукотворный характер, выступает как материальный *эффект* реализации определенного интереса, как результирующая конкретной политики. Политики, осознанно направленной на достижение конкретных политических, экономических и геостратегических целей. В том числе путем санкционной дискриминации, сдерживания, угроз и принуждения, «наказания» оппонента (конкурента, целевой страны, конкурента).

Нормой международных и межгосударственных отношений в таких условиях становится не закон и принципиальность, не пресечение практики нарушения общепринятого политико-правового порядка и не справедливость, а циничное пренебрежение нормами международного права, сложившихся конструктивных традиций и морали. Причем происходит это чаще всего как бы не намеренно, исподволь, без какого-либо учета того, что реализация меркантильных интересов вне учета усложняющихся политических, финансово-экономических и социо-природных реалий порождает результат, вызывающий лишь «текучий страх» [2], а подчас и вовсе состояние растерянности. Не случайно, наталкиваясь на неприятную, с немалым количеством рисков и неопределенностей постсанкционную реальность, сами инициаторы санкционных дискриминаций ощущают «усталость от своих санкций», их санкционный энтузиазм со временем ослабевает, порождает естественное желание «сделать шаг назад».

В полной мере сказанное касается метаморфоз, превратившихся ныне из исключения и локального инструмента легитимного международного правового принуждения в глобальную политическую проблему внеправового регулирования и обслуживания соответствующих интересов. Санкции стали чуть ли не «официальным инструментом» политики доминирования и протекционизма государственного масштаба. Открытость рынков и честная конкуренция «вытесняются разного рода исключениями, изъятиями и ограничениями». А это дискриминационные ограничения в сфере импорта-экспорта, доступа к зарубежным технологиям и международным финансовым ресурсам, замораживание банковских счетов, манипуляции с госдолгом, экстерриториалное воздействие с целью разрушения действующих международных контрактов и т.д. и т.п. При этом инициаторы и проводники санкций, торпедируя всякую полезную инициативу, создают мифы о своем стремлении к справедливости. А на самом деле — не сотрудничество и не справедливость, а нарастание неопределенностей и вхождение в стадию устойчивой конфронтации, формирование атмосферы, когда шантаж санкциями становится сильнее самих санкций.

Поводов же для введения санкционно-дискриминационного воздействия немало и инструментов для их реализации не меньше. Запущенная спираль односторонних секторальных и персональных санкций помимо воли Совета Безопасности ООН и других

для современного мира. Достаточно сложным становится также выбор стратегии цифровизации и для России, на основе которой планируем преодолеть экономическое и технологическое отставание и перевести экономику в режим устойчивого и динамичного роста.

[1] Castells M. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell. – 2010. – P. 1.

[2] Bauman Z. 2006. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press.

обладающих соответствующими полномочиями международных структур раскручивается и больно бьёт по большему числу стран, правительств, компаний и влиятельных деятелей публичной сферы, включая даже тех, кто уверен, что по отношению к ним санкционный режим применяться не будет. Пример — зарубежные компании, задействованные в строительстве нефтепровода «Северный поток — 2». И это невзирая на абсолютную «политическую лояльность» соответствующих компаний и правительств, многочисленные заверения о своей твердости в реализации союзнических обязательств, международных соглашений[1].

Некоторые каким-то образом реагируют на санкционные маневры, применяют, если это возможно и не опасно для них, зеркальные меры антисанкционного реагирования, но чаще всего приспосабливаются, кулуарно фиксируя свое критическое отношение к происходящему. Похоже, до мер адекватного, зеркального и симметричного реагирования еще далеко, и лишь немногие на это способны. Господствующие позиции занимают «запреты», «ограничения», «угрозы», «заморозки», «торговые войны», «иски международных судебных инстанций».

Наиболее значимых групп из исследуемых нами метаморфоз три: метаморфозы господства и сотрудничества, политических рефлексий и инсценирования реальности.

Метаморфозы господства и сотрудничества

Первая и наиболее действенная группа — метаморфозы господства и сотрудничества. Понять сущностную многогранность и содержательную сложность санкционных метаморфоз, основанных на, казалось бы, невероятных трансформациях господства в сотрудничество и сотрудничества в господство, традиционного военного насилия в невоенные формы насилия, отнюдь не просто. На первый взгляд, может показаться, что санкции — это всего лишь результат недальновидности, непрофессионализма или авантюристических замыслов отдельных политиков, чья деятельность не поддается нормальной логике, выходит за рамки естественных человеческих понятий и интересов.

Однако на практике это не всегда так: у инициаторов и проводников санкционной политики свои политические стратегии, свои представления о порядочности в международных делах и, главное, свои финансово-экономические интересы. Интересы эти достаточно серьезные, их не принято афишировать, а тем более рекламировать. Истинный смысл их замыслов тщательно камуфлируется, обосновывается различного рода «вескими соображениями», чаще всего необходимостью борьбы за свободу и демократию, защиты прав человека, обеспечение плодотворного прагматического сотрудничества. Нередко оправдывается негативами «несостоятельных государств» — государств социальной нестабильности и низкой жизнеспособности, государств с разрушенными социально-политическими скрепами, «токсичной элитой» и системной коррупцией.

Такие государства, действительно, не способны качественно реализовывать свои внутренние и внешние функции, обеспечивать должный общественный порядок, эффективно противостоять экономической деградации, а тем более защитить людей от

[1] Путин В.В. Выступление на пленарном заседании XXII Петербургского международного экономического форума. Санкт-Петербург. – 25 мая 2018 г.

разгула терроризма и преступности. Все это так и во многом справедливо.

Но оправдывает ли это политику односторонних санкций, циничного доминирования и стремления более сильного нанести стране-оппоненту как можно более ощутимый политический, финансово-экономический, репутационный и гуманитарный урон? Конечно, нет — никаких оправданий «маниакальному упорству в деле голословных обвинений» и наказания несогласных нет и быть не может в принципе. Ничем разумным нельзя оправдать стремление к мировому господству в духе «разделяй и властвуй», натравливание стран друг на друга, практику оранжевых переворотов и свержения неугодных правительств, коррумпирования элит и построения удобной для себя вертикали власти[1].

По этому поводу наша страна высказывалась неоднократно. Мы отдаем себе отчет в том, что антироссийские санкции связаны с ростом могущества и конкурентоспособности России. Мы в свою очередь стремимся действовать зеркально и в значительной степени уже адаптировались к санкционным ограничениям — потери порядка 50 млрд. долл., но и компенсации практически такого же объема. 75% россиян, по данным Фонда «Общественное мнение», на конец лета 2018 г. выражают убежденность в том, что Россия в отношении санкций должна «держаться твердо», не идти на уступки Западу, активнее, как выразился В.В. Путин, «включать мозги», больше производить своего продукта и технологий российского авторства, которых раньше в нашем распоряжении не было. Не лишена, правда, оснований и позиция тех 19% опрошенных, которые считают, что Россия все-таки должна демонстрировать больше гибкости, а если это оправданно, то идти на уступки.

Практическая логика санкционной политики следующая. Изначально разрабатывается та или иная модель «несостоятельного государства». Ярлыки могут быть разные — варварское, ревизионистское, деспотическое, диктаторское, токсичное, второсортное, но обязательно представляющее угрозу всему мировому сообществу государство. Затем подключаются фальсификации, различного рода схемы экспорта коррупционных практик, инструменты шантажа и провокаций. По всему фронту разворачивается политический, экономический и символический прессинг с целью доведения институциональных структур подсанкционного государства до состояния нефункциональности и дисфункциональности. Налицо еще одно подтверждение истинности того, что санкции — не столько средство стабилизации, созидания и социально-культурного возрождения, сколько инструмент глобального доминирования и практической реализации корыстных замыслов господствующих сил.

Санкции, которые вводятся вне установленного правового порядка, — это не способ урегулирования геополитических противоречий, а внеправовая форма доминирования, внешнеполитического давления и финансово-экономической дискриминации. На практике такие санкции ведут лишь к расширению конфликтного пространства, усугубляют межгосударственные противоречия, обостряют старые и порождают новые конфликты.

Доктрина и практика «несостоятельного государства» являются очевидным

[1] Корякин В.М. Односторонние санкции в международных отношениях как элемент технологии «цветных революций» // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1. – С. 143–144.

свидетельством метаморфозы традиционного господства, основанного на жестком насилии экономически господствующего класса над другими социальными группами [1], в современное кентавр-господств [2], которое осуществляется комплексным насилием как военными и невоенными силовыми, политическими и финансово-экономическими средствами, так и социокультурными, пропагандистскими и даже символическими средствами. Прежнее относительно простое в функциональном смысле господство, ограниченное территорией конкретного государства, по существу трансформировалось в сложный механизм *глобального доминирования* с использованием всех доступных форм убеждения, принуждения и насилия.

Аналогичные метаморфозы происходят и с сотрудничеством. Санкционные практики превращают прежнее, основанное на добровольном, как правило, взаимовыгодное сотрудничество в интересах всех «договаривающихся сторон», во взаимодействие, основанное на дискриминации, ограничениях и *принудительном разделении.* На одном полюсе остаемся «мы», т.е. те, чьи интересы «приоритетнее и жизненно важнее», а на другом «они» – все остальные, те, которых можно использовать, «выстраивать» и дискредитировать. А значит, «сдерживать», «демократизировать» и «цивилизовывать». Причем по всему фронту, включая наиболее чувствительные составляющие экономики — финансово-банковский, энергетический, информационный, интеллектуально-кадровый и оборонный секторы.

Истинный смысл таких практик наиболее циничные представители западного политического истеблишмента даже не скрывают. Санкции в их представлениях — вполне достойное средство политического доминирования и одно из условий победы в рыночной конкуренции, позволяющее контролировать исполнение тех правил, которые они же и ввели, поощрять лояльных и послушных, а сомневающихся — критиковать, а нарушителей — наказывать [3]. При этом не гнушаются ни политическими провокациями, ни финансовым шантажом, ни силовыми акциями. Не исключаются инструменты и средства ВТО, Всемирного Банка, МВФ, спецслужб и военных альянсов. В итоге не только санкции сами по себе, а *угроза санкций и неопределенность санкционной ситуации становятся сильнее самих санкций,* порождают политическую нервозность, дополнительные управленческие риски и экономически отягчающие факторы, заставляют государства нервничать и вибрировать, закрываться и переходить в режим «опоры на собственные силы».

Санкции вводятся не одномоментно, не раз и навсегда, а пошагово, неожиданно, в эскалационно нарастающем режиме и обязательно в расчете на максимально возможный урон для подсанкционной страны. Их формы достаточно разнообразны. Это секторальные и точечные санкции против юридических лиц — банков, компаний, корпораций и предприятий. Широко практикуются индивидуальные санкции против физических лиц — политиков, депутатов, министров, бизнесменов. По содержанию санкции могут носить политический, юридический, экономический, финансово-банковский,

[1] Маркс К. Социология. Сборник. — М.: Канон-пресс-Ц, — 2000. — 430 с.
[2] Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. — М.: Новый хронограф, 2011. — 552.
[3] Wilkinson D. Unitipolarity without Hegemony. – International Studies Review. — 1999. — P. 142.

коммерческо-торговый, научно-культурный характер. Осуществляются с помощью разного рода мер экономического характера — введения эмбарго, квотирования, замораживания банковских счетов, запретов на размещение правительственных облигаций, шантажа суверенным долгом, аннулирования ранее заключенных сделок, отключения от системы SWIFT, ужесточения валютно-долларового контроля, гибридных конфликтов с подключения мер военного стратегического сдерживания. В этом же ряду политические действия — обвинительные декларации, высылки дипломатов, конфискация дипломатического имущества, закрытие консульств и торговых представительств, изощренные контрольно-бюрократические препоны при получении иностранных виз. Все строго в логике санкционного наступления.

Субъекты санкционного давления — это «государства двойных стандартов»[1] с трудно предсказуемыми политическими решениями и спонтанными, на непросвещенный взгляд, управленческими действиями (классический пример — законодательные акты о защите выборов от внешних угроз, о защите безопасности США от российской агрессии, о санкциях в связи с кризисом на Украине). Для таких вполне нормальна дихотомия: одни стандарты для «Мы», т.е. стран своего цивилизационно-культурного и союзнического круга, стран, на которые распространяется стратегия максимального благоприятствования, поддержки, стимулирования и защиты. Другие стандарты для стран под кодовым обозначением «Они», т.е. стран остального мира, вне своего политического периметра. При этом практически открыто игнорируются основополагающие международно-правовые принципы межгосударственного сотрудничества, неприменения силы и легального, в случае необходимости, санкционного воздействия.

Главное — утвердить свое превосходство и удовлетворить свой национально-эгоистический интерес. Не случайно Д. Трамп в инновационной концепции сдерживания, изложенной в «Стратегии национальной безопасности США», определил четыре «жизненно важных национальных интереса»: «1) защита страны, американского народа и американского образа жизни; 2) развитие американского благосостояния; 3) сохранение мира посредством силы; 4) расширение американского влияния. Тут же обозначил главные вызовы для США: ревизионистские державы, которые используют технологии, пропаганду и принуждение в целях формирования мира, не совместимого с американскими интересами; региональные диктаторы, сеющие террор, угрожающие соседям и создающие оружие массового уничтожения; террористы из джихадистских организаций» [2].

Обоснование нового типа кентавр-господства тоже имеется, и оно хорошо известно: Запад уже давно занял свое суверенное место на планете и, как отмечал в свое время А.А. Зиновьев, в его планах всеми силами «стоять на своем» и удерживать это место за собой, а значит, не допустить никого другого рядом с собой. Поэтому «самое большое, на что западнизирующиеся народы могут рассчитывать, так это оказаться в сфере власти,

[1] Охотский Е.В. Политика санкций и антисанкционная практика: основные содержательные характеристики, цели, формы // Государственное управление в условиях кризиса и санкционных ограничений: отечественный и зарубежный опыт. Монография [О.В. Гаман-Голутвина и др., под общ. ред. Е.В.Охотского]. — М.: МГИМО–Университет, 2017. — С. 727. — 889 с.

[2] Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. 2018. Wash., 18 Jan. – P. 2.

влияния и колонизации Запада. Причем на тех и только тех ролях, какие этот единственный и неповторимый Запад им позволит»[1]. Порядок утверждения кентавр-господства в отношении России выглядит следующим образом: сначала нашу страну объявили противником «передовых западных ценностей», затем разработали политику сдерживания, перешли к угрозам. Наконец, занялись реализацией политики изоляции в духе «холодной войны» путем последовательных ограничений, дискриминаций и ужесточающихся финансово-экономических санкций, политики, которая привела к тому, что «Россия оказалась страной, против которой кто угодно в мире может устанавливать санкции», разрушая нашу экономику и благосостояние людей[2]. Причем на поверку оказывается, что, как говорится, «никто и ни за что всецело не является ответственным»[3].

Преобразование сотрудничества в духе кентавр-господства, основанное на «принуждении к сдерживанию», предполагает даже публичную демонстрацию своей «искренности» в том, что они «готовы принять Россию в мир свободы и демократии», согласны вернуть нашу страну «в семью демократических государств». Только при одном условии: мы должны послушно подстраиваться к тому, что сформулировано и утверждено политическими лидерами западного мира. Выбор за нами предельно простой — либо безоговорочно входить в единую мировую реальность с англо-санксонским доминированием, либо оставаться в роли второсортной страны–изгоя со стагнирующей, в лучшем случае, экономикой. Ни то, ни другое нас не устраивает. Наш выбор известен — современное суверенное высокоразвитое в экономическом, научно-техническом и социально-культурном отношении государство. Иначе Россия перестанет существовать как самостоятельный и полноправный субъект геополитических отношений.

Не случайно не только власти и бизнес, но и рядовые граждане с большой тревогой наблюдают за тем, что происходит на санкционном поле, и достаточно серьезно реагируют на западные санкции, просчитывают возможности и последствия международной изоляции нашей страны. Общество уже не убеждают аргументы типа того, что внешние ограничения являются всего лишь фактором сдерживания растущего влияния России и на российскую экономику существенно не влияют, что больше, чем России, санкции вредят самому Западу, создают внутри страны мощные предпосылки для инноваций, инициативы и динамичного роста. Фактом становятся настроения пессимистического ожидания новых ограничений.

В результате метаморфоз господства и сотрудничества, по З. Бауману, утвердилось «текучее насилие» в виде «продолжающейся и никогда не заканчивающейся войны на истощение между «хорошим насилием» (так определяемым, реализуемым в обслуживании закона и порядка) и «плохим насилием» (совершаемым с целью подрыва, разрушения и делания непригодным текущего закона и права)». При этом все больше и больше случаев свидетельствуют о «невозможности провести разделительной черты между легитимным и нелегитимным (применяемым в одностороннем порядке при

[1] Зиновьев А.А. Запад. — М.: Эксмо, 2003. — С. 19–20. — 507 с.

[2] Соловьева О. Санкции становятся поводом отказать РФ в инвестициях // Независимая газета. 2018. – 19 декабря. — С. 4.

[3] Cleveland H. Nobody in Charge. San Francisco (CA, USA): Jossey-Bass. – 2002., – P. 93.

отсутствии соответствующего решения Совета Безопасности ООН) насилием» [1]. Санкционные практики становятся *все более изощренными, многослойными и многовекторными.* Поводов для их введения тоже немало — не самое, например, удачно выступление государственного лидера или депутата; имеющиеся якобы сведения о наличии или производстве оружия массового уничтожения, о приготовлении к войне; сведения о планах по одностороннему захвату (аннексии) территорий сопредельного государства; дискриминация нацменьшинств; нарушение прав и свобод человека и гражданина; религиозный или межнациональный конфликт, террористический акт типа отравления семьи Скрипалей или химатаки на мироное население и др.

Не гнушаются и откровенно провокационными поводами. Мнимым, например, вмешательством «в президентские выборы», «в информационное сайты политических деятелей». В этом ряду могут быть «аннексия и нарушение территориальной целостности государства», «помощь антинародному режиму», «нарушение международного права по запрету химического и биологического оружия», «спонсирование сепаратистского режима», «отравление семьи Скрипалей». Это и есть те инструменты, которые, по формуле Р. Хаббардта и Ж. Паке, могут, при правильном их использовании, сформировать «невротический менталитет» взаимного недоверия и подозрительности [2]. И как итог — конфронтация и нестабильность, возникновение непростых для последующего решения проблем.

Метаморфозы политических рефлексий в форме инсценирования реальности

Вторая группа метаморфоз — инсценирование реальности как метаморфозы политических рефлексий. Хорошо известно, что целедостижительная функция политики всегда обусловлена конкретными реалиями общественного бытия. Любое явление, как верно заметил Т. Парсонс, мы «рассматриваем как политическое в той мере, в какой оно связано с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каких-либо целей». Причем для политики характерна обусловленность правом: легитимизация «представляет собой отличительный признак современного развития» [3]. В полной мере касается это и санкционных практик легитимного и нелегитимного одностороннего порядка.

В самой общей трактовке легитимные санкции представляются как «принудительные меры политического, торгово-экономического, управленческого и пропагандистско-идеологического характера, применяемые Советом Безопасности ООН в установленных процессуальных формах по отношению к государству (к части его территории, определенным отраслям и компаниям, а также к физическим лицам), которое отказывается исполнять обязанности, вытекающие из правоотношений международной ответственности». Именно так представлено понятие «санкции» в нормативных, в том числе уставных документах Организации Объединенных Наций [4].

Юридически все строго и в принципе понятно и не встречает никаких возражений. Но

---

[1] Bauman Z. Retrotopia. Cambridge: Polity Press. 2017, – P. 16, 20

[2] Hubbard., Raquet G. The black Hole of Public Administration. — Ottawa: University of Ottawa Press. 2010. — P. 7.

[3] Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; Науч. ред. пер. М. С. Ковалева. — М.: Аспект Пресс, 1998. — С. 30, 34. — 269 с.

[4] Устав Организации Объединенных Наций. США. Сан-Франциско. 26 июня 1945. Ст. 5, 6, 40, 41.

вот на практике нередко санкции применяются и реализуются в ином режиме — за короткий по историческим меркам период с базовыми принципами межгосударственного взаимодействия с использованием санкций произошли непредвиденные метаморфозы. Санкционные политические рефлексии сегодня осуществляются чаще всего в отношении не того, что есть, а того, чего нет, не того, что существует реально, а того, что инсценировано и смоделировано, причем в жестком контексте «неправовой легитимности». В современном обществе, по У. Беку, такое стирание грани «между риском как ожидаемой катастрофой и реальной катастрофой заставляет нас воспринять роль инсценирования серьезно»][1] и как неизбежную реальность.

Метаморфозы санкционных политических рефлексий возникают благодаря тому, что инсценированная реальность может иметь бóльшую символическую и социальную значимость, чем соответствующая объективная реальность. При этом инсценированные риски обретают экстерриториальный, глобальный характер, угрожающий не только правам человека и статусу отдельных государственных и политических деятелей, но и национальным суверенитетам, всему с огромным трудом установленному после второй мировой войны мировому порядку. Реакцией на эти риски стало, в частности, возникновение невиданного ранее «гибрида неправовой легитимной войны». Пример: война в Косово, оказавшаяся «легитимной, хотя велась с самыми грубыми нарушениями норм международного права за пределами собственных границ» [2].

К такому же выводу можно прийти и по войне в Ираке: «Если космополитическое право не может быть установлено, то из этого следует отсутствие права вообще… Мы переживаем парадоксы политики военных угроз как средства утверждения глобального мира, ибо очевидно, насколько трудно выиграть мир после того, как была выиграна война, если последняя имеет бренд «неправовой легитимности» [3]. Инсценированные риски, таким образом, могут и, как правило, оборачиваются метаморфозами рефлексий в форме реальных политических провокаций, инвестиционно-экономических ограничений, валютно-банковских дискриминаций и военных конфликтов.

Более того, «внеправовая легитимность» становится все более популярной и получает соответствующее развитие. Реальностью становятся новые трактовки и все более жесткое ее юридическое закрепление с попытками идеологического обоснования и политического оправдания под демагогическим прикрытием «обеспечения демократического международного порядка». Примером может служить Закон США от 2 августа 2017 г. № 3364 «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, CAATSA). Разработчики закона провели детальную структуризацию, кодификацию и достаточно строгую формализацию введенных ранее санкций и дискриминационных процедур. Под санкционный диктат подвели практически все крупные международные компании, которые сотрудничают с Россией в сфере, например, разработки и эксплуатации совместно функционирующих объектов энергетической индустрии (сжижение и транспортировка газа, разработка глубоководных, арктических шельфовых и сланцевых

[1] Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press. – 2010. – P. 10.
[2] Beck U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press. – 2007. – P. 120
[3] Beck U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press. – 2007. – P. 127, 129

проектов, ресурсное и инфраструктурное обеспечение). Не менее коварны с этой точки зрения и законопроекты «О защите безопасности США от агрессии Кремля» (Defending American Security from Kremlin Aggression» и о «О защите выборов от угроз путем установления ограничений» (Defending Election from Threats by Establishing Redlines), внесенные в феврале-марте 2019 г. на рассмотрение Конгресса США. Под их репрессивное воздействие пытаются подвести финансовый рынок России (как и многих других стран), ее энергетический, научно-технологический и военно-промышленный комплексы, стремятся сделать все возможное, чтобы помешать россиянам выйти на курс устойчивого роста и последовательной интеграции в мировую экономику.

Смыслы социальных реалий были весьма ригидны (жестки и неподвижны), долгое время сохраняли свою форму и свое содержание. И продолжалось это до тех пор, пока системы позднего капитализма не начали «колонизацию жизненных миров» [1]. Сегодня динамика смыслов заметно ускорилась и содержательно существенно усложнилась. Сегодня изначально произведенные в социальных сетях, например, образы «Добра» сравнительно легко (с помощью инструментария драматических эффектов, массовости лайков, протестных выступлений и откровенных фейков) перекодируются в образы «Зла». Или, наоборот, «Зло» буквально на глазах трансформируется в «Добро» — «в спектаклезированных обществах, все перевернуто…».

Инсценированные и перевернутые образы представляются реальными, заслуживающими доверия и адекватного позитивного реагирования. Такие образы внедряются в субъективный мир людей через практику всякого рода смыслопроизводящих структур. Значительную роль начинают играть также цифровизация, специальное производство интернет-вещей и интероперабельность. Интернет-технологии превращаются в средство символического производства, в механизм, позволяющий осуществлять «объединение реального и виртуального», обеспечивать ускоренную «циркуляцию перформанса и драмы» [2], побуждая людей к быстрым изменениям характера мышления и динамичным трансформациям конкретных социальных практик.

Учитывается и то, что соответствующим образом сконструированные перформансы задают импульсы, способствующие *«неожиданному»* зарождению ценностных турбулентностей, которые буквально взрывают экзистенциальные основы бытия, резко активизируют политический ландшафт. Тем более в условиях, когда на риск-восприятие накладываются ранее сформированные стереотипы «исключительности» и образы «врага». Получается, что разница между событиями и не-событиями практически стирается. Ж. Бодрийяр, автор концепции не-события, показал, что американские масс-медиа представили войну с Ираком и политическим режимом С. Хусейна (еще задолго до ее начала!) в виде реальности из симулякров, и для зрителей она была представлена «правдивее, чем правда».

---

[1] Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма. — THESIS. Весна, — 1993, — Вып. 2. — Т. 1.

[2] Alexander J.C. The Drama of Social Life. Cambridge: Polity Press. 2017. – P. 2,4, 7.

С тех пор ситуация еще более усложнилась: перманентно инсценируются смыслы «текучего зла» [1], исходящего от различных «Они», что, по существу, используется в качестве легитимации санкционной политической рефлексии, которую Запад, наделяющий себя исключительно смыслами Добра и Справедливости, вынужден-де применять. Главное для них, как отмечает С.В. Лавров, «растревожить тысячи, десятки и сотни тысяч людей», по максимуму «использовать санкции как инструмент недобросовестной конкуренции» с тем, чтобы «потеснить Россию, Китай и Иран с международного рынка» [2] . Перспектива возрождения в расширенном варианте «холодной войны» их не тревожит.

Метаморфозы санкций как «позитивные побочные эффекты плохого»

Третья группа метаморфоз — метаморфозы санкций как «позитивного побочного эффекта плохого». Еще недавно все результаты социологических исследований показывали, что россияне не особенно обеспокоены угрозами политических и экономических санкций, не особенно верят в реальность международной изоляции страны. Большинство опрошенных (68% по данным ВЦИОМ: 2016– 2017 гг.) заявляли, что санкции их мало волнуют. Даже в условиях ужесточения антироссийских санкций доля оптимистов росла. Принципиально ситуацию не изменили даже довольно жесткие апрельские санкции США 2018 г. Большинство граждан России полагали, что никаких особо негативных изменений в стране от такого рода недружественных действий ждать не стоит.

Подавляющее большинство россиян (87%), по февральским замерам учеными Левада–Центра 2020 г., считают, что санкции Запада против России не создали особых проблем лично для них и для членов их семей. Санкции затронули наиболее образованные и доходные группы населения, жителей крупных городов, которые в значительно большей степени зависят от импорта. Это максимальный показатель за все время исследований (с весны 2014 г.), когда были введены первые санкции.

Не беспокоят антироссийские ограничительные меры 67% респондентов (см. примечание 2)[3].

---

[1] Baudrillard J. The Gulf War Did not Take Place. Bloomington: Indiana University Press. – 1995. – P. 76.

[2] Лавров сравнил антироссийские санкции с геноцидом. 2018. 16 апреля // — URL: www. 360tv.ru›news/vlast/lavrov-sravnil-antirossijskie…(дата обращения: 20 мая 2018 г.).

[3] *Примечание 2.* Общая обеспокоенность санкциями в российском обществе снижается – сейчас ее испытывает лишь 31% россиян, хотя еще в ноябре 2018 г. такое беспокойство испытывали 43% опрошенных. А вот доля тех, кто считает, что России нужно налаживать отношения с США и другими западными странами, на протяжении полутора лет остается на максимальном уровне в 79%. Такие данные приводит Левада-Центр. (См.: Мухаметшина Е. Большинство россиян не чувствует проблем от западных санкций // Ведомости. 2020. 16 марта). Социологи обращают внимание на то, что не только в общественном сознании, но и в правительственных кругах господствует настроение спокойной озабоченности кризисными проявлениями и санкционным давлением, господствует мнение, что внешние ограничения, во-первых, не влияют на российскую экономику так сильно, как это планировал Запад. Куда больше, во-вторых, санкции вредят самому Западу и, в-третьих, создают внутри нашей страны предпосылки для роста и инновационного обновления. Если бы не был реализован комплекс контр- и антисанкционных мер, если бы мы не занялись импортозамещением и делолларизацией, то трудно представить, в какой ситуации оказалась

И это если не считать негативы вирусной пандемии, серьезные валютные колебания и кризис финансовой системы, обвальное падение отдельных отраслей экономики.

Россияне, похоже, с одной стороны, экономически, психологически и на бытовом уровне каким-то образом адаптировались к санкциям, с доверием воспринимают официальную интерпретационную нынешней модели антироссийских санкций, но, с другой стороны, с нарастающей тревогой смотрят в будущее. Особенно с точки зрения роста безработицы, ослабления потребительского потенциала, доступности здравоохранения и роста смертности, сокращения трат на отдых и культуру. Со значительной долей скептицизма относятся к заверениям властей о возможных адекватных, зеркальных и симметричных санкционных контрмерах с нашей стороны. Люди трезво оценивают проблемность сложившейся ситуации, уверены, что санкции все-таки не создадут катастрофических угроз российскому рынку и социальному сектору и государственному строю в целом, выражают убежденность в том, что в случае необходимости Россия сможет «держаться твердо» (мнение 75% россиян) и «в должное время» по-деловому и конструктивно ответить на внешние вызовы. Главное, чтобы контр- и антисанкционные меры негативно не сказались на своем же производственном комплексе, бизнесе и благосостоянии граждан.

Государственным структурам, похоже, удалось сформировать в общественном сознании достаточно убедительную «причинно-следственную модель» санкций, в которой замыслы и негативы внешнего санкционно-дискриминационного воздействия выстроены иерархически: на благосостояние населения в первую очередь влияют не санкции, а падение цен на нефть и газ, ухудшение инвестиционного климата, слабости государственного управления (бюрократизм, коррупция, валютная нестабильность, трагедия эпидемии).

В обществе поэтому, сложилось убеждение, что все в смысле противодействия санкциям зависит от государства, национального бизнеса и от каждого гражданина персонально: обеспечим переход к инновациям, сумеем освоить цифровые технологии, организуем инвестиции, создадим соответствующие институты государственного управления, проявим дисциплинированность, выдержку и трудолюбие, и все будет нормально.

Общий результат соответствующий. Во всяком случае не тот, на который рассчитывали и до сих пор рассчитывают стратеги дискредитации России и превращения ее в несостоятельное государство. И действительно, налицо не социально-политическая дезинтеграция, не раскол элит и не безоговорочное стремление российского бизнеса к сотрудничеству с Западом в ущерб своей стране, а принципиально иное — укрепление социально-политического единства перед лицом нарастающих вызовов и угроз, усиление раздражения и негативного отношения к

бы страна в условиях пандемии. Значительная доля истины содержится и в том, что обеспокоенность изоляцией и санкциями на уровне 7–8% – показатель эффективности властей и их способности грамотно распоряжаться ресурсами информационного воздействия, определять политическую повестку и гибко интерпретировать и соответствующим образом реагировать на происходящее (См.: Россияне перестают доверять логике квазивойны с Западом. Социологи фиксируют рост озабоченности линией на изоляцию // Независимая газета. 2018. – 11 декабря. – С. 2).

сторонникам санкционного давления и идеологам русофобии [1]. В целом же люди настроены конструктивно, высказываются против конфронтации, за компромиссное решение возникающих проблем, за гибкость и взаимные уступки на жизненно важных направлениях международного взаимодействия. Вот такова, как утверждают социологи и эксперты-политологи, реальность нынешней действительности.

У. Бек в книге «Метаморфоза современного мира» обосновал постулат об амбивалентной природе современных метаморфоз. С одной стороны, инновационная деятельность человека, несущая несомненные для него блага, ведет к ненамеренным негативным побочным эффектам в виде новых рисков и опасностей. Однако, с другой стороны, есть потенциальная возможность «позитивных побочных эффектов плохого», что выражается в переходе к новому тренду развития, созданию систем, функционирующих на принципиально иных принципах. «Это создает совершенно другой способ концептуализации мира и наших шансов на выживание в нем… Теория метаморфозы выходит за пределы теории мирового общества риска: она не о негативных побочных эффектах хорошего, а о позитивных побочных эффектах плохого» [2].

По словам ученого, «метаморфизация», производящая «позитивные побочные эффекты плохого», создает немыслимые ранее альтернативные варианты жизнедеятельности людей, качество которых во многом зависит от них самих. «Было бы ошибочным приравнивать метаморфозу мира с изменением к лучшему. Метаморфоза мира ничего не говорит о том, является ли данное преобразование к лучшему или к худшему. Как концепция она не выражает ни оптимизм, ни пессимизм по поводу хода истории. Она не описывает упадок Запада, не предполагает, что все со временем повернет к лучшему. Она оставляет все открытым, заставляет оценивать ситуацию объективно и направляет нас к значимым политическим решениям» [3].

Нам представляется, что изложенный постулат можно и даже необходимо распространить на санкции, имея в виду их потенциальную возможность обеспечивать как негативные, так и позитивные эффекты. Сегодня энергия санкционного воздействия в значительной степени представляет собой энергию распада, обращенную не против истинного Зла (в частности, нарушителей принципа метаболизма между обществом и природой, неонационалистов, хакеров), а прежде всего на «сдерживание» неудобного оппонента или конкурента. При этом отдавать себе отчет в том, что Запад лишь на словах заинтересован в разрядке российско-американских отношений, что всякого рода заявления, даже нечастые, о том что Европа хочет нормализации отношений с Россией, — это пока всего лишь миф. А вот реалией является то, что на практике со стороны Запада никакой реальной антисанкционной инициативы мы не видим.

Заявления типа того, что применение санкций предназначено только лишь для

---

[1] *Примечание 3.* За год (2017 г.) индекс российско-американских отношений заметно снизился (индекс «–69»), хотя и не достиг критической отметки. Самое негативное отношение россиян к США, по данным ВЦИОМ, было зафиксировано в ноябре 2014 года (–83), а самые теплые (с индексом «+46») // ВЦИОМ: россияне привыкли к санкциям – URL: www...kommersant.ru›doc/3377126 (дата обращения: 16 ноября 2019 г.)

[2] Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press. – 2016. – P. 4

[3] Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press. – 2016. – P. 19–20.

«защиты общепринятых норм международной жизни», — не более чем инсценированные смыслы демагогии и лицемерия. Фактически имеют место секторальные и индивидуальные финансово-экономические санкции, бюрократические затруднения консульского обслуживания, приостановка выдачи зарубежных виз, сокращение дипломатических присутствий, высылка дипломатов, закрытие торговых представительств, рейдерские захваты дипломатического имущества. И все это ради меркантильных целей создания плотного поля «токсичности» вокруг России ее партнеров по международному политическому и экономическому сотрудничеству, сокращения российского влияния в международном взаимодействии.

Мы получили финансовую блокаду, существенное ограничение доступа к «кредитным ресурсам», огромный ущерб нанесен производственному бизнесу по линии приобретения современных технологий, программного продукта и сырья. На полную мощь включен ресурс инсценирования «российской агрессивности», который формирует в западном обществе «текучие страхи», убежденности в том, что в отношении России необходимы самые жесткие «сдерживающие», а если потребуется, то и жесткие силовые действия. Похоже, мы ошиблись, когда сделали вывод о том, что Россия и ее западные партнеры уже научились, «даже не соглашаясь друг с другом, не впадать во враждебность и отчуждение», — не хотелось верить в жесткость и нарастающую силу помех, порождающих «нервозность и своего рода кризис понимания перспектив глобального движения» [1].

Тем не менее даже в таких условиях не исключены метаморфозы в виде «позитивных побочных эффектов плохого» — энергия распада, конечно, не исчезает вообще, но при определенных условиях может преобразоваться в энергию созидания. Закон единства и борьбы противоположностей отменить невозможно, даже из хаоса рано или поздно формируется новый порядок, причем порядок более высокого уровня. Даже несмотря на все усилия противников своими разноплановыми и разноуровневыми санкциями создать атмосферу неопределенностей и постоянно растущего социального недовольства. Будет ли поэтому материализована возможность перехода к созидающему тренду геополитического развития, в конечном счете зависит от качества управления и способности элиты к принятию действительно инновационных решений.

Заключение. Стержнем политических инноваций, на наш взгляд, должен стать гуманистический поворот как императив человеческой цивилизации. Начинать необходимо с внедрения базового гуманистического знания в реальный политический дискурс. Включая уважение к законным интересам участников внутреннего и межгосударственного общения, каждая страна и каждый народ обладают неотъемлемым суверенным правом на собственный путь цивилизационного развития, на выбор того, с кем выстраивать союзы и какие использовать формы организации жизнедеятельности своего общества. Но только на основе международного права, ответственности и равноправия, в соответствии с принципами открытости, предсказуемости, прагматичности и ответственности, а не в режиме жестких императивов и ультиматумов. Тем более

[1] Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевишников. — М.: Аспект Пресс, 2010. — С. 50– 51.

односторонние санкции аморальны в условиях коронавирусной пандемии и системных финансово-экономических кризисов мирового масштаба.

Библиография/References:

1. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт, 2000.
2. Зиновьев А.А. Запад. – М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2003.
3. Корякин В.М. Односторонние санкции в международных отношениях как элемент технологии «цветных революций» // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1. – С. 143-144.
4. Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. – 2013. – № 5. – С. 3 – 12.
5. Лавров сравнил антироссийские санкции с геноцидом. – URL: https://360tv.ru/news/vlast/lavrov-sravnil-antirossijskie-sanktsii-s-genotsidom/ (дата обращения: 20.05.2019)
6. Маркс К. Социология. Сборник. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000.
7. Маркс К. Капитал. Том I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. – М.: Политиздат, 1960.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: АСТ: Мир и образование, 2017.
9. Охотский Е.В. Политика санкций и антисанкционная практика: основные содержательные характеристики, цели, формы // Государственное управление в условиях кризиса и санкционных ограничений: отечественный и зарубежный опыт. Монография / Под общ. ред. Е.В.Охотского. – М. МГИМО-Университет, 2017. – С. 727.
10. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект пресс, 1997.
11. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании XXII Петербургского международного экономического форума. Санкт-Петербург. 25 мая 2018 г. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57556 (Дата обращения: 15.05.2019)
12. Семенов М. Вошли в роль // Украина. Информационно-аналитический мониторинг. – 2019. – № 1-2. – С. 5.
13. Соловьева О. Санкции становятся поводом отказать РФ в инвестициях // Независимая газета. – 2018. – 19 декабря. – С. 4.
14. Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевишников. – М.: Аспект Пресс, 2010.
15. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. – М.: Новый хронограф, 2011. – 552 с.
16. Устав Организации Объединенных Наций. – США. Сан-Франциско. 26 июня 1945.
17. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна. – 1993. – Вып. 2.
18. Alexander J.C. The Drama of Social Life. Cambridge: Polity Press. 2017.
19. Baudrillard J. The Gulf War Did not Take Place. Bloomington: Indiana University Press. 1995.
20. Bauman Z. Retrotopia. Cambridge: Polity Press. 2017.

21. Bauman Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press. 2006.
22. Beck U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press. 2007.
23. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press. 2016.
24. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press. 2010.
25. Castells M. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell. 2010.
26. Cleveland H. Nobody in Charge. San Francisco (CA, USA): Jossey-Bass. 2002.
27. Hubbard., Raquet G. The black Hole of Public Administration. – Ottawa: University of Ottawa Press. 2010.
28. Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. 2018. Wash., 18 Jan.
29. Wilkinson D. Unitipolarity without Hegemony. – International Studies Review. 1999.

1. Bakhtin, M.M. (2000) Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiia iazyka. Stat'i [Freudianism The formal method in literary criticism. Marxism and the philosophy of language. Articles]. – M.: Labirint. (In Russ.)
2. Zinov'ev, A.A. (2003) Zapad [West]. – M.: EKSMO, Algoritm. (In Russ.)
3. Koriakin, V.M. (2016) Odnostoronnie sanktsii v mezhdunarodnykh otnosheniiakh kak element tekhnologii «tsvetnykh revoliutsii» [Unilateral sanctions in international relations as an element of the technology of “color revolutions”] // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovanii [Russian Journal of Legal Research]. – № 1. – P. 143– 144. (In Russ.)
4. Kravchenko, S.A. (2013) Stanoviashchaiasia slozhnaia sotsial'naia real'nost': problema novykh uiazvimostei [The emerging complex social reality: the problem of new vulnerabilities] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological research]. – № 5. – P. 3 – 12. (In Russ.)
5. Lavrov sravnil antirossiiskie sanktsii s genotsidom [Lavrov compared anti-Russian sanctions with genocide]. – URL: https://360tv.ru/news/vlast/lavrov-sravnil-antirossijskie-sanktsii-s-genotsidom/ (data obrashcheniia: 20.05.2019) (In Russ.)
6. Marks, K. (2000) Sotsiologiia [Sociology]. Sbornik. – M.: Kanon-press-Ts. (In Russ.)
7. Marks, K. (1960) Kapital [Capital]. Tom I // Marks K., Engel's F. Soch., 2 izd. – M.: Politizdat. (In Russ.)
8. Ozhegov, S.I. (2017) Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. – M.: AST: Mir i obrazovanie. (In Russ.)
9. Okhotskii, E.V. (2017) Politika sanktsii i antisanktsionnaia praktika: osnovnye soderzhatel'nye kharakteristiki, tseli, formy [The policy of sanctions and anti-sanction practice: the main substantive characteristics, goals, forms] // Gosudarstvennoe upravlenie v usloviiakh krizisa i sanktsionnykh ogranichenii: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [Public administration in times of crisis and sanctions restrictions: domestic and foreign experience]. Monografiia / Pod obshch. red. E.V.Okhotskogo. – M. MGIMO-Universitet. – P. 727. (In Russ.)
10. Parsons, T. (1997) Sistema sovremennykh obshchestv [System of modern societies]. – M.: Aspekt press. (In Russ.)
11. Putin, V.V. (2018) Vystuplenie na plenarnom zasedanii XXII Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma [Speech at the plenary meeting of the XXII St.

Petersburg International Economic Forum]. Sankt-Peterburg. 25 maia. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57556 (data obrashcheniia: 15.05.2019) (In Russ.)

12. Semenov, M. (2019) Voshli v rol' [Entered the role] // Ukraina. Informatsionno-analiticheskii monitoring [Ukraine. Information and analytical monitoring]. – №1-2. – P. 5. (In Russ.)

13. Solov'eva, O. (2018) Sanktsii stanoviatsia povodom otkazat' RF v investitsiiakh [Sanctions become an occasion to refuse to invest in the Russian Federation] // Nezavisimaia gazeta [Nezavisimaya Gazeta]. – 19 dekabria. – P. 4. (In Russ.)

14. Torkunov, A.V. (2010) Po doroge v budushchee [On the way to the future] / Red.-sost. A.V. Mal'gin, A.L. Chechevishnikov. – M.: Aspekt Press. (In Russ.)

15. Toshchenko, Zh.T. (2011) Kentavr-problema: opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza [The centaur problem: the experience of philosophical and sociological analysis]. – M.: Novyi khronograf. – 552 p. (In Russ.)

16. Ustav Organizatsii Ob"edinennykh Natsii [Charter of the United Nations]. – SShA. San-Frantsisko. 26 iiunia 1945. (In Russ.)

17. Khabermas, Iu. (1993) Otnosheniia mezhdu sistemoi i zhiznennym mirom v usloviiakh pozdnego kapitalizma [Relations between the system and the world of life in the late capitalism] // THESIS. Vesna. – Vyp. 2. (In Russ.)